

Пётр Кондратьев с явной неохотой собирался на вечеринку к Гриньковым, что никак не вязалось с его устоявшейся славой компанейского мужика, после рюмки-другой могущего спеть и сплясать, вальсом и сладкими речами головы хорошеньким женщинам вскружить, порою до ревнивого чувствительного щипка Аленькой, как называл он свою жену Алёну.

С недавних пор к уединению потянуло его. Стишки и рассказы складывались в нём, выхода всё настойчивее искали. Начал он пописывать, время своё ценить. Жалко стало ему весело растрачиваться. На прожитое оглянулся. Как-никак годы подкатывали к зрелости, и, чувствовал он, было ему что людям сказать. Потому-то раз за разом пропускал он выпивоны и гулянки всякие, даже вот приглашению друга детства не обрадовался, как бывало. Интересные

мысли ему ночью явились, скорее бы на бумагу их выложить.

Зазвонил телефон. Трубку взяла жена.

— Гляди-ка, и Маша приехала, — сказала она после разговора. — В кои-то веки надумала...

Сообщение жены изменило настроение Петра.

Просто всё объяснялось. Мария была первой его любовью, подростковой пусть, но до сих пор незабываемой. Давненько не пересекались их пути. Лет двенадцать назад в последний раз виделись они в родной деревне и то мельком. Мария сошла с автобуса, на котором Кондратьевы отъезжали в город. Успели только перемолвиться.

— Останемся на денёк, — предложил тогда Пётр жене. — С Машенькой поболтаем...

— Хорошо бы! — поддержала его Мария.

— Жаль, не можем, — обняла свою подругу-однокашницу Алёна, почти силком затолкала мужа в автобус, больно ущипнула. — Пообщаться захотел?

— Зря ты, Аленькая, — удивился он её ревнивому чувству. — Знаешь ведь моё отношение к тебе...

Улыбнулся Пётр давнему.

— Радуешься скорой встрече? — правильно истолковала Алёна улыбку повеселевшего мужа. — Смотри мне! Мойся иди.

Пётр чмокнул её в ямочку на щёчке, закрылся в ванной.

— Интересно, какая она теперь? — думал он о Марии, с

удовольствием нежась в заправленной хвойным экстрактом воде.

Завспоминалось.

...В тот жаркий май нестерпимо буйно цвела редкая в деревне сирень. Не было её в кондратьевском палисаднике, не пылала она и у Гриньковых. Украдкой наломал Петя Кондратьев охапку сиреневых веток с приглянувшегося куста чужого сада, отобрал в букет самые пышные гроздья.

— Для меня постарался? — синеглазая глянула тринадцатилетняя кокетка. — Ой, спасибо, Петенька! Не ожидала... А ландыши принесёшь?

— Принесу, — от похвалы Петя зарделся всеми конопушками. — Первые подстерегу.

Не выполнил он обещание, обстоятельства изменились. До первых ландышей, как отличника, на Чёрное море, в Артек его направили.

Родители радовались за него. Ему же не очень хотелось расставаться с родной сторонкой. Зачем куда-то ехать, когда нежной зеленью покрылась земля, бело-розово зацвели сады, до купания нагрелась очищенная после весеннего паводка речка, певчими птичками и «слепым» тёплым дождичком пронизывался майский воздух... Главное, с Машенькой не хотелось расставаться. Он только-только от неё.

— Море скоро увидишь. Вот бы и мне с тобой, — говорила Маша.

— А мне бы лучше в твои синие глаза смотреть, чем на это Чёрное море, — хотел признаться он, но не осмелился, сказал лишь: — Нисколько не хочется уезжать.

— Ладно уж, езжай, — разрешила она с наигранным вздохом, прочитав Петькины мысли. Или Петьке так подумалось. — Привезёшь мне белые гольши с морского берега и большого рака.

— Краба, наверное?

— Во-во, точно, краба. Не забудешь?

— Ну, что ты!?! Обязательно привезу...

— Живой ты? — постучалась в дверь ванной Алёна. — Давай закружляйся. Душ не успею принять...

Гриньковы жили поблизости. Всё равно Кондратьевы умудрились опоздать. Долго собирались. На сей раз Пётр, пожалуй, больше жены у зеркала крутился, галстук подбирал к новому костюму, показаться Марии хотел.

— Наконец-то! — встретил их именинник, несколько раз до того звонивший им. — А мы не выдержали, успели уже по стопке пропустить.

— Правильно сделали. Гости с поезда, устали, проголодались, — Пётр обнял друга. — Ну, с Ангелом тебя!

Поздравила и Алёна, подарок вручила.

Прошли в зал, поздоровались, разместились за столом.

Пётр огляделся. Как он и ожидал, гости были дальние, в большинстве знакомые. Мария сидела сбоку от него, что не позволяло ему хорошо видеть её. Лишь когда она поздравительное слово взяла, внимательно разглядел свою первую любовь.

Мария пополнела. Полнота соответствовала её возрасту, но, как показалось Петру, не совсем подходила ей, как-то приземляла, уменьшала в росте. Он ожидал увидеть её по-прежнему привлекательно-стройной, что всегда, ещё с тогдашней давности, выделяло её среди других девчат.

— Не окосеешь? — намекая на слишком пристрастные взгляды мужа в сторону Марии, спросила Алёна.

— Нет, — Пётр даже не почувствовал подвоха. — Ты же знаешь, что в питии я контролирую себя.

— Посмотрим, посмотрим, — не стала уточнять Алёна.

Вечеринка, как и положено, с каждым тостом смелела. Гости уже и привычную песню в честь именинника спели, и подвигаться пожелали. Потому виновник застолья объявил перекур, мужиков на балкон увёл.

Некурящий Пётр недолго продержался среди курильщиков, в зал вернулся, где гости танцевали под магнитофон. Он привстал в дверях, посматривал на танцующих, невольно сравнивая Марию со своей женой. Они, как бы специально для него,

неспешно вальсировали друг с дружкой, мол, смотри, Петенька, прикидывай.

Несмотря на полноту, Мария гляделась. Всё же бывшее, броское, притягивающее взоры мужчин, пригласило в ней, и он с удивлением, даже с радостью осознал явное превосходство жены. Но тотчас и пожалел о несостоявшемся празднике долгожданной встречи:

— Укатили горки любовь мою первую.

Вернулись курильщики, внесли оживление. С жёнами затоптались. Мария присела к магнитофону, стала рассматривать кассеты.

— О чём думаешь? — спросила мужа Алёна.

— На Машу гляжу вот...

— Молодец. Не слукавил. Так и знала... Любуешься?

— Опять двадцать пять! — огорчился Петя её тоном. — Я же не в том смысле.

— В каком ещё?

— Пожалел... Изменилась она сильно. Видно, трагическая гибель сына сказалась.

— Не дай Бог, конечно, никому её переживаний. Мать есть мать. И всё же, думаю, не замёрзни её Толик, сейчас ей легче б не было. Он же тогда уже кололся вовсю... — Алёна вздохнула, неожиданно упрекнула Марию. — В наказание, видно, ей такое за... излишнее внимание мужчин.

— Да всё у неё сложилось бы иначе, — мысленно возразил

Пётр жене. — Будь осмотри-тельнее она в молодости, не дай взрослому кудрявому нефтянику на велосипеде увезти себя, ещё несмышлёную. Сдёрнуть бы глупышку с велосипедной рамки, по попке незрелой надавать, а кудрявого с помощью дружков от неё скорее отвадить. Куда там, сдрейфил... За него это другой Машин ухаждёр сделал, отпугнул наглеца. Как выяснилось, женатым тот был, в каждой деревне развлекался. Поздно зато малость ему челюсть свернули и рёбрышки посчитали...

— Давай не будем в давнем копать, — сказал он, растрёвоженный воспоминаниями. — У каждого свой крест. Нам бы собственный достойно нести. А про меня плохое не думай. Пожалел просто Машу...

— Обо мне бы лучше подумал, — не успокаивалась Алёна. — Сердце прибаливать стало. За сына волнуясь. Как он в чужом городе без нас? Чем кормится? Как учится? Не пьёт ли? А Маша, смотрю, здоровьем покрепче меня. На свежем воздухе всё же. В лесу, считай, её работа и дом. Как я, конторской пылью не дышит. А ты глаз от неё оторвать не можешь. Сравниваешь, похоже? Конечно же, сравнение не в мою пользу...

— Скажешь тоже, — Пётр нежно привлёк жену к себе. — Ты у меня намного лучше Маши выглядишь. Осанистее, увереннее...

— Льстишь? — потеплела голосом Алёна. — Лапшичку на уши вешаешь?

— Правду, Аленькая, говорю. Ты у меня...

— Покурили, размялись. Прощу за стол, продолжим, — именинник не дал Петру выдать жене достойный комплимент.

Хозяйка, с помощью повзрослевших дочек успевшая перемыть тарелки, подала чистые и принесла горячее.

От новой порции выпивки и вкусного жаркого гости заметно отяжелели, потянулись к песне. Когда, кажется, перепели все известные застольные и выдохлись, именинник предложил конкурс на лучшую ещё не спетую песню, выставил шампанское.

— Приз победителю, — сказал он. — Поехали по кругу. Кто первый? Смелость зачтётся при подведении итогов.

Гости приняли предложение, старались выискивать новые напевы. Из-за незнания слов не всем удалось довести лихо начатую было песню до конца, но до Петра были сделаны уже несколько серьёзных заявок на победу.

Пётр запел о Чёрном море. Неожиданно вспомнилась ему эта песня, как раз созвучная его сегодняшнему настроению.

Самое синее в мире

Чёрное море моё, —

пел он о глазах Марии, в синеве которых когда-то готов был утонуть навсегда.

Так не ревнуй, дорогая,

К Чёрному морю меня, —

переводил он взгляд с Марии на свою Аленькую. Не сбился ни разу, до завершения песню довёл. По праву досталось ему шампанское, тотчас пошедшее в розлив.

Так и дотянули до второго перекура, до новых танцев под магнитофон.

Алёна взялась помогать хозяйке убрать со стола, готовить его к завершающей части застолья вечеринки — «самоварной».

Мария угадала желание Петра, не вышедшего с курильщиками на балкон:

— Потанцуем?

— Можно. Только не очень быстро. Боюсь, укачает.

— Стареем, Петенька?

— Да, бегут годочки...

Былое вспомнили. Выпитое, наверное, способствовало редкой откровенности. Не раз Пётр ловил себя на мысли, что понапрасну они давнего коснулись. В отличие от него подзабыла Мария многое. Даже как следует представить не смогла его, тогдашнего деревенского, а вот кудрявого нефтяника до родинки на шее запомнила.

— Выходит, первая любовь? — спросил он, погрузившись от неожиданной до обиды короткой Машиной памяти, всё же надеясь получить от неё более приемлемый для себя ответ.

— Впервые, помнится, голову потеряла с ним, — перечеркнула

она еле теплившуюся в нём надежду. — Хотя, пожалуй, влюбилась по-настоящему в девятом классе. Помнишь Покровского, из соседней деревни, новичка-симпотягу?

— Как же! — Пётр едва сдержал вздох разочарования. — Что же разбежались? Вы же в одном классе с ним учились, за одной партой сидели.

— Не сладилось... Я с ним куда угодно пошла бы, да он трусоватым оказался...

Слова Марии цепляли Петра за живое, хотя никаких претензий не мог он ей предъявить. Между ним и Марией ничего такого и не было. Не целовались даже, как следует...

Дотанцовывали молча.

— Хорошая вечеринка получилась! — прервал молчание Пётр, вдруг обрадовавшись рассеявшемуся миру, так долго и сильно владевшему им. Реальная высветилась картина.

— Постарался братишка, — согласилась с ним Мария, не догадываясь о происшедшей в нём перемене.

Вечеринка продолжалась, но для Петра она уже закончилась.

Ему нестерпимо захотелось домой, к отложенным бумагам. Только с этических соображений выдержал он чаепитие. Лишь перед уходом разговорился, а Марию расцеловал в дверях:

— Прощай!

— Так я не уезжаю, — улыbnулась она. — Завтра на утренней похмельной лапшичке увидимся.

— Теперь это не имеет никакого значения, — хотел сказать он, но помешала решительная Алёна.

— Нацеловался? — язвительно поинтересовалась она, когда они вышли в январскую морозную, ветреную ночь.

— Попрощался с первой любовью, которой, оказывается, и не было, — закружил он жену.

— Не чокнулся, случаем... от счастья? — рассердилась она не на шутку.

— Точно! — Пётр поставил её на уже слежавшийся снег. — Оттого счастлив, что ты у меня есть и была одна-разъединственная!

Он обнял жену, и они направилась домой, подгоняемые ветром, который за вечеринку, как и его настроение, резко переменялся направлением.